

МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЙ ФОНД ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

В О Е Н Н Ы Й
ВЕСТНИК № 4

УПРАВЛЕНИЕ
ЭКОНОМИКОЙ США
В КРИЗИСНЫХ И
ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ УСЛОВИЯХ:
УРОКИ ДЛЯ РОССИИ

Москва
Декабрь 1998

УПРАВЛЕНИЕ ЭКОНОМИКОЙ США В КРИЗИСНЫХ И ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ УСЛОВИЯХ: УРОКИ ДЛЯ РОССИИ

Разочаровавшись в курсе "либеральных" реформ 1992-1998 гг., российские политики, экономисты и публицисты все чаще обращаются к опыту государственного регулирования экономики США после финансового краха 1929 г., которое осуществлялось администрацией президента Франклина Д. Рузвельта в 1933-1939 гг. При этом во всех публикациях и выступлениях на данную тему отчетливо прослеживается призыв максимально опереться на опыт США для вывода из кризиса экономики России. Вот только некоторые примеры.

Владимир Полеванов, бывший председатель Госкомимущества:

"Чтобы лечить болезнь, сначала нужно признать, что человек болен. Если президент говорит, что у нас кризиса нет, а антикризисную программу называет стабилизационной, значит, он просто не понимает, что происходит вокруг. Тот же Рузвельт боролся с великой депрессией. Он добился от Конгресса США чрезвычайных полномочий на два года, законодательная инициатива была полностью передана президенту. В течение трех месяцев он принял семнадцать чрезвычайных законов, которые за восемь лет вывели Штаты из депрессии". (*Московский комсомолец*, 19 августа 1998 г.)

Вадим Логинов, директор по маркетингу инвестиционной группы "Атон":

"... некоторое отступление от принципов свободного (в наших условиях стихийного) рынка все не означает, что демонтируются рыночные отношения, частная собственность, а тем более демократические свободы. Опять же исторический пример: кризис в США 1929-1933 гг., названный Великой депрессией, – падало производство, потребительский спрос, разорялись банки, росла безработица. Президент Гувер пытался помочь бедным слоям, но окончательно разбалансировал госбюджет. Очень много общего с нынешней ситуацией в России. Приход к власти Франклина Рузвельта ознаменовал собой перелом. Он объявил новую экономическую политику, получившую название "Новый курс" (New Deal). Это была система мер, включающая в себя усиление государственного регулирования экономикой. Рузвельт начал с объявления банковских каникул, введения законов о фиксированных ценах на продукцию, контроля за объемом производства. Появился даже Кодекс честной конкуренции, распределяющей рынки сбыта. Вместо пособия безработным была создана система гарантированных зарплатой социально и экономически значимых работ. Америке удалось избежать революции и выкарабкаться из кризиса". ("Примаков с точки зрения спекулянтов", *НГ-Политэкономика*, № 14, сентябрь 1998 г.)

Профессор Анатолий Уткин, директор Центра международных исследований:

"Зима 1932-1933 гг. была для Соединенных Штатов тяжелейшим временем. Промышленное производство резко упало, фермеры не видели смысла засеивать землю, из страны бежал капитал, жизненный уровень снизился втрое, экспорт опустился до нижайших пределов, десятая часть 150-миллионного населения оказалась безработной. Произошла криминализация страны, а чтобы выплачивать деньги, некоторые Штаты (и даже компании) начали выпускать собственные суррогаты валюты.

Президент Гувер, измученный бессонницей, предлагал в качестве выхода из национального кризиса следующее. Первое – добиться сбалансированного бюджета и ни в коем случае не увеличивать расходную часть его. Второе – любыми путями задушить инфляцию. Третье – сохранить золотое содержание доллара.

... Вам это ничего не напоминает? Если нет, то позволю себе напомнить: современное российское правительство свято верит в три канона: сбалансированный бюджет – величайшее благо; главный враг – инфляция; о прерывании связи с долларом может говорить только враг народа.

... Наследовавший ему (Гуверу – Ред.) в Белом доме Франклин Рузвельт никогда не получал Нобелевской премии по экономике, но сумел противопоставить мертвящим канонам живительный здравый смысл. И стал самым великим президентом своей страны в уходящем столетии.

... «Если голодная смерть и жестокая нужда части наших граждан делают необходимыми дополнительные расходы, которые разбалансируют наш бюджет, я не поколеблюсь сказать американскому народу всю правду и попросить его выделить дополнительные средства».

Рузвельт назначил главой Администрации гражданских работ малоизвестного тогда нью-йоркца Гарри Гопкинса, объявившего своей задачей «сделать так, чтобы люди не умирали от голода». Гопкинс привлек Рузвельта тем, что не хотел заниматься простой благотворительно-

стью: люди без работы теряют достоинство. Было создано более 30 тысяч проектов. Вчерашние безработные строили мосты, стадионы, аэропорты. За десять лет Администрация гражданских работ создала десятую часть всех новых дорог в Америке, 35% всех новых больниц, 70% новых школ. ... Не перечислить всего того, что за короткий срок украсило Америку, сделало ее нынешней, современной. И все это обошлось в 20 миллиардов долларов – на треть меньше, чем помощь, предоставленная по ленд-лизу Англии". ("Канон и человек. Что позволило Франклину Рузвельту вывести Америку из Великой депрессии", *Независимая газета*, 29 июля 1998 г.)

Экономист Николай Шмелев:

"Ф.Рузвельт, думаю, был никак не глупее Е.Гайдара и его последователей, когда в 1934 году путем строго дозируемой и контролируемой эмиссионной накачки оживил американскую экономику и вытаскил страну из самого разрушительного кризиса в ее истории". ("Шанс на спасение?", *Московский комсомолец*, 6 сентября 1998 г.)

Восхищает деятельность Ф.Рузвельта и российских законодателей. Павел Бунич, председатель Комитета Госдумы по собственности, приватизации и хозяйственной деятельности заявляет:

"У нас банкиры скупают предприятия вовсю. ...Между прочим, Президент США Рузвельт запретил в свое время банкам покупать акции промышленных предприятий. Соответствующий закон в США приняли в 1933 году, он действует до сих пор. Американцы совершенно справедливо решили, что банки купят и проглотят заводы, высосут из них последние соки, а употребив, выкинут на свалку за ненужностью". (*Аргументы и факты*, № 39, 1997 г.)

Более того, делаются попытки использовать опыт Рузвельта в области законодательства при разработке российских законов. Так, принятый Госдумой в октябре 1998 г. сразу в трех чтениях закон "О противодействии легализации доходов, полученных незаконным путем", предусматривающий проверку всех доходов граждан, превышающих 10 тысяч долларов в год, почти без изменений списан с американского закона, принятого по инициативе Ф.Рузвельта. Автор нового закона – коммунист Виктор Илюхин.

Не обошел стороной опыт Франклина Рузвельта и глава российского Правительства Евгений Примаков:

"Вспомним хотя бы, как выходила Америка из Великой депрессии. Разве президент Рузвельт не усиливал роль государства? Еще как усиливал! Еще на какие непопулярные меры шел! Еще какие государственные монополии вводил! Вот это был подлинный, как говорили, госконтроль!" (*Известия*, 20 ноября 1998 г.)

"В свое время, отстаивая программу "Нового курса", Ф. Д. Рузвельт подчеркивал: «Я имею в виду не всеобъемлющее регламентирование и планирование экономической жизни, а необходимость властного вмешательства государства в экономическую жизнь во имя истинной общности интересов не только различных регионов и групп населения нашей великой страны, но и между различными отраслями ее народного хозяйства». Под это цитатой готово подписаться наше правительство". (Из выступления Е. М. Примакова на выездной сессии Всемирного экономического форума. *Коммерсант-Daily*, 5 декабря 1998 г.)

Поступают советы использовать опыт Ф.Рузвельта и из-за океана. Так, газета "Нью-Йорк Таймс" от 15 сентября 1998 г. писала, что пришло время вспомнить "Новый курс" Франклина Рузвельта в "качестве модели восстановления российской экономики".

Из приведенных цитат видно, что "Новый курс" Рузвельта не только противопоставляется курсу Гайдара-Черномырдина, но и по сути предлагается взамен ему как наиболее отвечающий современной кризисной обстановке.

Действительно, внешне многое из того, что происходило в США в конце 20-х – начале 30-х годов, удивительно, вплоть до деталей, напоминает то, что происходит в России.

Двадцатые годы, вошедшие в американскую историю как "ревущие двадцатые", были не только годами "сухого закона" и расцвета гангстеризма, но и периодом почти тотального господства либеральных экономических взглядов, не допускавших самой мысли о необходимости какого-либо регулирования экономики.

Когда Герберт Гувер, проработавший восемь лет министром экономики перед тем, как стать президентом США (1929-1933 гг.), принимал должность от своего предшественника на посту министра

Оскара Страуса, последний сообщил Гуверу, что его рабочий день не будет превышать двух часов, так как вся его работа на этом посту будет заключаться в том, чтобы "укладывать по вечерам спать рыб и включать огни вдоль побережья".

Знаменитый американский публицист и обозреватель Уолтер Липпман писал в 1927 г., что "более или менее бессознательная и незапланированная деятельность бизнесменов на деле оказалась более новаторской, смелой и в каком-то смысле более революционной, чем все вместе взятые теории прогрессистов" (прогрессисты – сторонники отколовшейся в 1912 г. от республиканцев Прогрессивной партии под руководством Теодора Рузвельта, выступавшей за государственное вмешательство в экономику. – Ред.).

Вплоть до финансового краха в октябре 1929 г. вся страна от банкиров до простых обывателей, словно обезумев, играла на бирже. В той или иной мере с рынком ценных бумаг были связаны 30 млн. американских семей при населении США в 120 млн. человек. В 1929 г. сменили собственников 920 550 032 акции. Фантастические состояния приобретались буквально за ночь. Те счастливы, например, которые купили в 1921 г. акции "Дженерал моторс" за 25 тыс. долларов, к 1929 г. были уже миллионерами. Процветали финансовые пирамиды. Например, владельцы компании "Юнайтед фаундерс корпорейшн" увеличили ее капитал за короткое время за счет доверчивых вкладчиков до 686 млн. долларов, затратив на ее создание 500 долларов собственных средств. Появился термин "новый богатый" (*newly rich*), обозначающий человека, приобретшего свое состояние путем спекуляций, а не благодаря трудолюбию и пуританской этике. Неизбежным итогом этой безумной погони за деньгами стал перегрев экономики и отрыв финансовой системы от того, что сейчас называется реальным сектором, то есть от материального производства.

Рост американской экономики прекратился в июне 1929 г., в сентябре началось падение курса акций, а 29 октября того же года наступил знаменитый "черный вторник", когда рухнули акции даже самых надежных компаний.

Началась "Великая депрессия", в ходе которой индекс промышленного производства упал со 114 в августе 1929 г. до 54 в марте 1933 г. Объем производства предметов длительного пользования опустился за этот же период на 77%. Акции гордости Америки компании "Дженерал моторс" упали с 73 до 8 пунктов к концу биржевой паники (13 ноября 1929 г.).

Безработица выросла с 3,2% в 1929 г. до 24,9% в 1933 г. и 26,7% в 1934 г. 34 миллиона американцев оказались вообще без какого-либо дохода. Рухнул сбор налогов и мэрии городов оказались не в состоянии поддерживать городское хозяйство и систему школьного образования. В Чикаго мэрия задолжала учителям 20 млн. долларов. В Нью-Йорке триста тысяч учащихся перестали посещать школы из-за отсутствия средств у муниципальных властей, а из числа тех учеников, которые продолжали ходить в школу, 20% страдали от недоедания. К 1933 г. обанкротились или закрылись около полутора тысяч колледжей.

Страна была охвачена голодными маршами. Летом 1932 г. двадцать тысяч ветеранов мировой войны разбили палаточный лагерь в центре Вашингтона, протестуя против сокращения льгот и пособий. Президент Гувер распорядился закрыть лагерь и 28 июля, после того как полиция оказалась неспособной справиться с ветеранами, бросил против них войска под командованием майора (впоследствии знаменитого генерала) Паттона, действовавшего под общим руководством начальника штаба армии генерала Макартура и его адъютанта майора Эйзенхауэра. В результате ветераны были разогнаны и палаточный городок сожжен, однако эта армейская операция вызвала огромное возмущение в стране, окончательно лишив Гувера всяких шансов на переизбрание.

Новый президент Франклин Рузвельт, принявший управление страной в марте 1933 г., получил возможность действовать при почти полной поддержке конгресса, в котором его демократическая партия получила абсолютное большинство. Его первый законопроект – "Чрезвычайный закон о банках" – был принят в течение одного дня, после 40-минутных дебатов, прерывавшихся криками "Давайте голосовать!".

Получил Рузвельт и широкую поддержку общества. Этому немало способствовали его знаменитые "беседы у камина". Спустя всего неделю после инаугурации, в воскресенье 13 марта 1933 г., Рузвельт перед камином Белого дома обратился по радио к американцам с призывом спасти банковскую систему страны. "Друзья мои, – говорил Рузвельт, – я хочу рассказать вам, что было сделано за последние несколько дней, почему это было сделано, и какие следующие шаги мы собираемся пред-

принять. Прежде всего, позвольте мне объяснить простой факт: когда вы вкладываете ваши деньги в банк, этот банк не прячет ваши деньги в сейф. Он вкладывает ваши деньги в различные формы кредита – в акции, закладные. Другими словами, банк заставляет ваши деньги работать, чтобы колеса экономики продолжали крутиться... Лучше держать их в банке, чем под матрасом".

Как это ни странно покажется россиянам, привыкшим к обману как со стороны властей, так и со стороны банкиров, но слова Рузвельта подействовали, и уже на следующий день после его обращения к нации взносы в банки резко возросли, а к концу недели две трети банков возобновили свою работу.

Однако огромное количество законодательных актов, особенно в области финансово-биржевой деятельности и социального обеспечения, в предельно сжатые сроки проведенных администрацией Рузвельта через Конгресс, заслоняют в глазах его российских поклонников тот факт, что Рузвельту вплоть до второй мировой войны так и не удалось разработать сколько-нибудь эффективную промышленную политику и преодолеть экономическую депрессию. Для этого достаточно ознакомиться с результатами его деятельности в этом направлении в 1933-1939 гг.

В 1939 г., после шести лет рузвельтовского "Нового курса", в США оставалось 9,5 млн. безработных, то есть 17,2 % рабочей силы и почти столько же, сколько было занято во всей обрабатывающей промышленности (10,3 млн. человек). Объем промышленного производства так и не достиг уровня 1929 г. При Рузвельте произошло значительное обветшание производственного оборудования и жилого фонда страны. Удельный вес металлообрабатывающих станков старше 10 лет поднялся с 48% в 1930 г. до 67% в 1938 г. В 1928 г. 28% городских домов в США эксплуатировались не более 10 лет, а в 1940 г. дома такой категории составляли всего 8%. В 1930 г. 20% паровозного парка и 34% парка товарных вагонов использовались менее 10 лет по сравнению с соответственно 6% и 14% в 1940 г. Тоннаж торгового флота США упал в период с 1933 по 1939 гг. с 13,5 до 11,4 млн. тонн.

Не лучше было положение и в сельском хозяйстве, где в 1939 г. было электрифицировано всего 11% ферм, а парк сельскохозяйственных машин резко устарел по сравнению с концом 20-х годов.

Истощение производственного капитала сопровождалось дисквалификацией рабочей силы и потерей ее производственных навыков.

Последнее обстоятельство не могло радикально изменить и основное достижение администрации Рузвельта этих лет – огромный объем общественных работ, осуществленных по инициативе Рузвельта. В 1933-1939 гг. на эти цели было выделено из госбюджета 10,5 млрд. долларов, не считая 2,7 миллиардов, израсходованных на общественные проекты при участии частного бизнеса. За счет этих средств было построено 122 тысячи общественных зданий, 77 тысяч новых мостов, 285 аэропортов, 664 тысячи миль автомобильных дорог, 24 тысячи километров канализации. Государственные средства вкладывались также в мелиорацию, лесоводство, оборудование портов, развитие средств связи. В общей сложности в 1933-1939 гг. на общественных работах было занято в то или иное время 8,5 млн. человек, что, конечно же, позволило дать заработок многим безработным, но не смогло сделать главное – обеспечить промышленный рост. Ибо для этого нужны капиталовложения не столько в экономическую инфраструктуру, сколько в само производство. А вот в эту область Рузвельт вплоть до начала второй мировой войны в сентябре 1939 г. предпочитал не вмешиваться.

Среди российских поклонников Рузвельта почему-то широко распространено мнение, что Рузвельт был в своих экономических взглядах кейнсианцем и, в частности, сторонником поддержания экономического роста даже ценой создания бюджетного дефицита. Эта точка зрения никак не подтверждается фактами, по крайней мере в период 1933-1939 гг. Как отмечают американские исследователи, нет никаких доказательств, что Рузвельт вообще читал Кейнса. Правда, известно, что один раз, в 1934 г., он все же встречался с Кейнсом, но при этом встреча прошла холодно, и оба собеседника остались недовольны друг другом. Рузвельт не только не был кейнсианцем, но и, по свидетельствам современников, мало что могло его разъярить так, как предложения о принятии дефицитного бюджета. В первом же своем послании Конгрессу он призвал конгрессменов провести крупные сокращения государственного бюджета, и один из своих первых законопроектов по недопущению бюджетного дефицита он озаглавил "О поддержании доверия к правительству Соединенных Штатов". В частности, он сократил пенсии ветеранам-инвалидам с 40 до 20 долларов в месяц и неоднократно требовал от властей штатов сокращения чрезмерно высокой, по его мнению, зарплаты учителей.

Возникает естественный вопрос: А что, собственно, может использовать Россия из американского опыта 30-х годов для выхода из собственного тяжелейшего кризиса?

Конечно, если бы наши "реформаторы" и законодатели удосужились изучить принятое по инициативе Рузвельта законодательство, регулирующее финансово-биржевую деятельность, то самых одиозных безобразий в этой области России удалось бы избежать. В частности, не было бы скандальных залоговых аукционов, ибо законодательство США, как справедливо указывал процитированный выше Павел Бунич, запрещает банкам приобретать в собственность промышленные предприятия. Сергей Мавроди получил бы свои заслуженные 30 лет тюрьмы за строительство финансовой пирамиды. Попали бы в тюрьму за нарушение закона о распространении ложной рекламы даже Лёня Голубков, и Игорь, и Юля, и прочие симпатичные исполнители ролей в телевизионных роликах "МММ". Не был бы возможен и выпуск российскими компаниями собственных акций, с помощью которых, в частности, строились пирамиды. Рузвельт же добился принятия закона, согласно которому фирма может покупать собственные акции только за счет прибыли, так что покупка собственных акций ограничена размерами прибыли фирмы. (В ФРГ покупка собственных акций вообще запрещена законом).

Однако даже заимствование американского финансового законодательства вряд ли смогло бы серьезно изменить состояние реального сектора российской экономики и предотвратить ее спад, точно так же, как рузвельтовского законодательства оказалось недостаточно для преодоления американской депрессии 30-х годов.

Тем не менее, даже если бы российский парламент сумел принять финансовое законодательство по образцу рузвельтовского, оно вряд ли оказалось бы эффективным в российских условиях, ибо для функционирования рыночной экономики необходимы не только хорошие законы, но и знание общих принципов и правил такой экономики каждым человеком в той же мере, как и знание национального языка общения и правил уличного движения. Ведь уплата федеральных и фиксированных местных налогов, заполнение детальных налоговых деклараций, банковские проценты, кредит, займы на покупку жилья с погашением в течение 20-30 лет с меняющимися в разные годы процентами по заданным, постоянное изменение и разнорядность в ценах, необходимость постоянной адаптации к инфляции, страхование имущества, жизни и здоровья, счета, чеки, отслеживание постоянных колебаний акций различных компаний и фондов являются неотъемлемой частью жизни типичного американца. Вряд ли подобное можно сказать о среднем россиянине.

Поэтому рассчитывать на то, что заимствование американского антикризисного законодательства 30-х годов само по себе смогло бы предотвратить развал реального сектора российской экономики, было бы просто наивным, ибо даже в гораздо более благоприятной рыночной среде США законодательные новации Рузвельта оказались не в состоянии вывести страну из депрессии.

Не приходится надеяться на преодоление нашего экономического кризиса и путем принятия обширной программы общественных работ подобной той, которая осуществлялась в рамках "Нового курса" Рузвельта. Эта программа имела не столько экономическую, сколько социальную направленность – снижение безработицы и предотвращение массовых беспорядков. Она была в значительной мере попыткой ответить на вызов СССР, который в эти годы представлял собой сплошную стройку, поражая весь мир полной ликвидацией безработицы. Когда в начале 30-х годов советское торговое представительство в Нью-Йорке "Амторг" объявило о наборе 6 тысяч квалифицированных специалистов для работы в СССР, на эти вакансии было подано свыше 100 тысяч заявок от американцев. Годы Великой депрессии являются единственным периодом в американской истории, когда эмиграция превысила иммиграцию.

Сейчас уже забыто, что именно советская плановая система была в то время для многих американцев образцом для подражания. Вот названия только нескольких книг, вышедших в США в 1932 году и посвященных СССР: "Советский рабочий" Джозефа Фримана, "Рассвет в России" Валдо Франко, "Путь к Советской Америке" Уильяма Фостера, "Новый экономический порядок" Керби Пейджа, "Социалистическое планирование" Гарри Лейдлера, "Россия сегодня: чему мы можем у нее научиться?" Шервуда Эдди.

Признавая политическую целесообразность проводившихся администрацией Рузвельта общественных работ, американцы никогда не считали их эффективным способом расходования бюджетных ресурсов. Не случайно после смерти Рузвельта США ни разу не попытались возродить подобные программы, считая их антирыночными и даже "ползучим социализмом".

Однако даже если бы в России появилось сильное правительство, способное на огромные организационные усилия, связанные с проведением крупномасштабных общественных работ, они бы оказались ему просто не по средствам. Даже если бы каждую копейку, которую Россия может выделить на инвестиции, она стала тратить на создание рабочих мест в строительстве, сельском хозяйстве, на транспорте и т.д., то скорее всего это оказалось бы далеко не самым эффективным путем расходования бюджетных ресурсов.

Ведь созданная в советские годы промышленная, научная, образовательная и транспортная инфраструктура настолько обветшала и не соответствует требованиям современной рыночной экономики, что уже через несколько лет ее проще будет строить заново. А о том, сколько это может стоить, свидетельствует опыт бывшей ГДР. Западная Германия расходует на ее интеграцию в собственную экономику около 100 млрд. долларов ежегодно на протяжении вот уже десяти лет (в 1996 г., например, – 160 млрд. марок), и тем не менее, по оценкам немецких специалистов, лишь к 2020 или 2030 г. восточные германские земли смогут достичь $\frac{3}{4}$ западногерманского уровня производства продукции и услуг на душу населения.

Так что рецепты "Нового курса" Рузвельта вряд ли пригодны для спасения разваливающейся российской экономики. К этому можно добавить, что перед Рузвельтом в 30-е годы не стояли такие дополнительные проблемы, как застарелые неплатежи государства за свои давно уже выполненные промышленные заказы, задержки пенсий и зарплаты работникам бюджетной сферы, а также дефицит госбюджета таких размеров, что его, как уже стало очевидно, невозможно покрыть никаким естественным путем.

Рузвельту также не требовалось изыскивать средства на содержание огромной голодной армии. В 1933 г., когда Рузвельт стал президентом, американская армия насчитывала 132 069 солдат и офицеров, занимая по своей численности 16-е место в мире после Чехословакии, Польши, Турции, Испании и Румынии. На всю армию имелся только один персональный автомобиль – у начальника штаба армии генерала Макаргура.

Значит ли это, что нам нечему поучиться на опыте администрации Рузвельта по выводу США из кризиса 30-х годов? Нет, не значит. Просто надо различать деятельность Рузвельта мирного времени (1933-1939 гг.) и Рузвельта периода второй мировой войны (1939-1945 гг.).

Из депрессии США вышли не по "Новому курсу" Рузвельта, а благодаря созданной под его руководством системе мобилизационной перестройки экономики в годы второй мировой войны. Оправдались пророческие слова Кейнса, с которыми он обратился к американскому народу 29 июля 1940 г. в журнале "Нью Рипаблик": "Ваши военные приготовления не только не потребуют от вас жертв. Наоборот, они явятся тем стимулом к увеличению индивидуального потребления и росту жизненного уровня, который не смогли бы дать вам ни победа, ни поражение нового курса".

И действительно, уже к 1941 г. уровень промышленного производства достиг показателей 1929 г., а в 1941-1945 гг. США достигли темпов промышленного роста, считавшегося до этого немислимыми, – 16,9% в год. За это же время инвестиции в производство выросли на 65%, мощность электростанций возросла на 75%, промышленное производство удвоилось, а прибыли промышленников выросли в 5 раз. Объем железнодорожных перевозок увеличился с 490 млрд. тонна/км в 1939 г. до 1081 млрд. тонна/км в 1944 г. (см. таблицу 1 на стр.8).

И всё это было достигнуто отнюдь не за счет снижения жизненного уровня населения. Наоборот, реальная заработная плата за годы войны выросла на 50%, а потребление продовольствия на душу населения увеличилось на 15-25%. Особенно заметно выросло потребление мяса. Несмотря на то, что за годы войны численность занятых в сельском хозяйстве сократилась на один миллион человек, США с помощью новых капиталовложений и применения более совершенной агротехники расширили сельскохозяйственное производство к 1944 г. более чем на одну треть по сравнению с концом 30-х годов.

Повышение жизненного уровня населения было достигнуто при гигантских масштабах выпуска военной продукции. За годы войны США произвели 300 тыс. боевых самолетов, 100 тыс. танков, 124 тыс. кораблей и судов всех классов, 41 млрд. единиц боеприпасов.

При этом в течение всей войны учетная ставка Федеральной резервной системы (Центробанка США) оставалась стабильной на уровне 1% в год и только в 1948 г. впервые поднялась до 1,34%.

Низкой на протяжении всей войны оставалась и инфляция, так что сбережения населения и прибыли промышленников к концу войны достигли весьма внушительных размеров.

Именно годы второй мировой войны, а вовсе не 30-е годы с их "Новым курсом" Рузвельта стали периодом появления американского экономического чуда, заложившего фундамент для построения нынешней единственной мировой сверхдержавы.

Разумеется, экономическое возрождение США во вторую мировую войну в сочетании с ростом жизненного уровня населения произошло не за счет роста выпуска вооружения. Ведь остальные страны-участники войны, в том числе и страны-победители (Англия и СССР), вышли из войны истощенными и обедневшими.

Таблица 1

**Индексы производства
по отдельным отраслям промышленности США**

ОТРАСЛИ \ ГОДЫ	1939	1940	1941	1942	1943	1944
Авиационная промышленность	100	245	630	1706	2842	2805
Производство боеприпасов и взрывчатых веществ	100	140	423	2167	3803	2033
Судостроение	100	159	375	1091	1815	1710
Локомотивостроение	100	155	359	641	770	828
Выплавка алюминия	100	126	189	318	561	474
Выплавка стали	100	131	171	190	202	197
Продукция пищевой промышленности	100	15	118	124	134	141
Производство шерстяных тканей	100	98	148	144	143	138
Производство мебели	100	110	136	133	139	135
Производство одежды	100	97	112	104	100	95

Секрет американского чуда заключается в том, что США удалось практически всю стоимость войны (а в разгар войны США тратили на военные цели до 45 % своего ВВП, то есть примерно столько, сколько тратила Англия или Германия) оплатить за счет экономического роста. А этот рост, в свою очередь, стал возможен в первую очередь благодаря гигантскому увеличению государственных закупок товаров и услуг (почти в 60 раз в 1944 г. по сравнению с 1939 г.), а также исключительным организаторским способностям и политической воле президента Рузвельта.

Изменение показателей государственных закупок и расходов населения на личное потребление показано в таблице 2.

Производство вооружения представляет собой, естественно, расточительство. Это то же самое, что грузить товары на баржи с целью их дальнейшего затопления в океане, так как оружие выпадает из воспроизводственного цикла.

Секрет феноменального подъема американской экономики в годы второй мировой войны заключается не в простом количественном наращивании производства, а в постоянном подъеме экономики в процессе производства по ступеням технологического роста. Военную промышленность США в эти годы можно сравнить с огромной исследовательской лабораторией. Всё, что эта лаборатория производила, представляло собой с экономической точки зрения никому не нужные вещи. И тем не менее связанные с этим потери с лихвой возмещались тем, что полученные в процессе изготовления военной продукции новые знания компенсировали все убытки, ибо вели к революционному росту

гражданской экономики благодаря каскаду получаемых в лаборатории новых изобретений и технологий.

Таблица 2

**Валовой национальный продукт США
в 1939, 1941 и 1944 гг.**

(в млрд. долларов в ценах 1939 г.)

Годы	ВВП	Расходы населения на личное потребление				Общая сумма частных капиталовложений внутри страны					Правительственные закупки товаров и услуг		
		Всего	На товары длительного пользования	На товары кратковременного пользования	На услуги	Всего	В новое строительство	В производственное оборудование	Изменения в торгово-промышленных запасах	Всего	Закупки федерального правительства на военные цели	Закупки федерального правительства на гражданские цели	Закупки властей штатов и местных органов власти
1939	91,3	67,5	6,7	35,3	25,5	9,9	4,9	4,6	0,4	13,1	1,2	3,9	7,9
1941	115,5	76,6	8,9	40,1	27,6	17,1	6,1	7,2	3,8	21,1	11,1	2,7	7,3
1944	156,9	81,1	4,6	44,5	32,0	6,6	2,0	5,1	-5,0	71,3	64,2	1,2	6,0

Именно в это время в США появились радар, первые ЭВМ и т.д.

Что касается атомной бомбы, то без нее не было бы и первого в мире завода с дистанционным управлением, первого полностью автоматизированного завода и первого абсолютно стерильного промышленного цеха площадью в тысячи квадратных метров.

Огромный рост производства в США произошел в годы войны не только и даже не столько за счет перевода гражданского сектора на военные рельсы и загрузки неиспользованных во время депрессии мощностей. Фактически в этот период США надстроили над своей депрессивной экономикой 30-х годов совершенно новую экономику на базе новейших технологий.

Фактически заново, например, была создана авиационная промышленность. До 1939 г. эта небольшая по объему выпускаемой продукции отрасль занимала 44-е место среди других отраслей промышленности. В момент ее наивысшего подъема (конец 1943 – начало 1944 гг.) стоимость ее продукции превышала 20 млрд. долларов в год и была в 5 раз выше стоимости продукции автомобильной промышленности США в ее рекордный довоенный год. Число занятых в авиационной промышленности увеличилось с 40 тысяч человек в 1939 г. и 160 тысяч в июне 1940 г. до 2 миллионов 202 тысяч в ноябре 1943 г.

За тот же период с июня 1940 г. по ноябрь 1943 г. количество занятых в судостроительной промышленности возросло со 168 тысяч человек до 1 миллиона 778 тысяч и в производстве артиллерийско-стрелкового вооружения с 21 тысячи до 1 миллиона 436 тысяч человек.

В течение первых трех лет перевода экономики на военные рельсы, начиная с середины 1940 г., США израсходовали на создание новых производственных мощностей столько же средств, сколько на производство вооружений.

Особенно большие капиталовложения США произвели в новейшее оборудование. В 1942 г. в стране было выпущено 307 тыс. станков, в 10 раз больше, чем в 1938 г. и в 50 раз больше, чем в 1933 г.

Общая численность рабочей силы в 1944 г. увеличилась более чем на 10 млн. человек. Если в 1941 г. в стране еще оставалось 5,6 миллиона безработных (9,9% всей рабочей силы), то в 1944 г. их число уменьшилось до 670 тысяч человек (1,2% рабочей силы).

Внешне механизм управления экономикой в военные годы был сравнительно прост и весьма напоминал тот, которым пользуется современная Япония.

Главные усилия правительства направлялись на концентрацию имеющихся финансовых и материальных ресурсов на приоритетных направлениях производства при отсечении (полном или частичном) второстепенных секторов экономики.

При этом государственное регулирование экономики отнюдь не дошло до централизации госплановского типа. В основе своей экономика оставалась рыночной. Все предприятия работали на конкурентной основе, сами подбирали себе поставщиков, самостоятельно устанавливали сменность работы и т.д. Решающей мотивацией их работы, как и в мирное время, была прибыль. За все годы войны не было реквизировано или национализировано ни одно предприятие. Забастовки не были запрещены, и профсоюзы во время войны не раз пользовались своим правом на забастовку.

Возникает естественный вопрос: почему Рузвельту удалось в годы второй мировой войны то, что не удалось в мирное время (1933-1935 гг.), а именно – не просто вывести страну из депрессии, но и добиться феноменальных темпов экономического роста? Ответ заключается в том, что только чрезвычайные полномочия военного времени позволили Рузвельту направить ресурсы страны строго на развитие реального сектора экономики и прежде всего промышленности.

Частный капитал в условиях депрессии твердо отказывался вкладывать собственные средства в обновление промышленной базы и тем более увеличение производства. Конгресс, со своей стороны, решительно возражал против какого-либо вмешательства государства в дела частной промышленности, считая такое вмешательство антирыночным (а в США в этот период, за исключением нескольких государственных военных arsenалов, вся промышленность была частной).

Враждебно относился Конгресс и к расширению государственного заказа в частном секторе, не делая исключения даже для закупок на военные цели. Так, в марте 1940 г., когда в Европе уже полным ходом шла война, Конгресс в ответ на просьбу Рузвельта профинансировать закупку 26 тысяч боевых самолетов выделил средства на приобретение лишь 57 самолетов. Даже в ноябре 1941 г., за месяц до нападения японцев на Перл-Харбор, опрос журналом "Форчун" ведущих американских бизнесменов показал, что большинство из них возражали против перевода промышленности на военные рельсы, рассматривая требования такого перевода очередной попыткой Рузвельта распространить свой "социалистический" новый курс и на еще неохваченную им промышленность.

Вступление США в войну в декабре 1941 г. и огромный рост государственных ассигнований на военные нужды не прибавили желания американским промышленникам вкладывать собственные деньги в расширение и модернизацию производства или в новое строительство, ибо они опасались, что после войны новые мощности окажутся незагруженными. Например, с 1941 по 1944 г. частные капиталовложения в производственное оборудование сократились почти в 2,5 раза (см. таблицу 2).

И тем не менее Рузвельту удалось, используя полномочия военного времени, в самые сжатые сроки добиться гигантского роста военного производства. Для решения этой задачи использовались два основных пути.

Во-первых, путем непосредственных государственных капиталовложений в новое промышленное строительство и расширение имеющихся производственных мощностей. Так, когда крупнейшая металлургическая корпорация "Ю.С. Стил" отказалась увеличить свои мощности по выплавке стали, Рузвельт приказал приступить к строительству нового металлургического завода за счет федерального бюджета.

Для руководства новым строительством и его финансирования в рамках созданной еще при президенте Гувере в 1932 г. государственной корпорации финансовой реконструкции (Reconstruction Finance Corporation – RFC) была создана специальная корпорация оборонных заводов (Defense Plant Corporation), израсходовавшая за годы войны на эти цели свыше 10 млрд. долларов, в т.ч. на:

- развитие авиационной промышленности ..... 4,5 млрд.
- увеличение выплавки алюминия и магния ..... 1,5 млрд.

- строительство 45 заводов по производству высокооктанового авиационного топлива ..... 250 млн.
- строительство и модернизацию 183 металлургических заводов, что привело к увеличению мощностей по выплавке черных металлов на 11 млн. т ..... 1,223 млн.
- строительство государственных заводов по производству синтетического каучука ..... 715 млн.
- расширение станкостроительной промышленности ..... 2 млрд.

Отдельной программой финансировался Манхэттенский проект создания атомной бомбы, на который только в течение двух лет государством было израсходовано 3 млрд. долларов.

Помимо атомной промышленности за счет государства был создан целый ряд других отраслей промышленности. Так, практически с нуля была создана государственная промышленность по производству синтетического каучука после того, как основной поставщик натурального каучука – Юго-Восточная Азия – был захвачен японцами, а компания "Стэндрд Ойл оф Нью Джерси" отказалась предоставить правительству свои патенты на производство синтетического каучука, которыми она владела на совместной основе с германским концерном "ИГ-Фарбен". После этого в течение всего двух лет был построен 51 государственный завод синтетического каучука (первый завод был построен за рекордно короткое время – за 287 суток), а его производство увеличено в 350 раз (с 2 тыс. тонн в 1942 г. до 700 тыс. тонн в 1944 г.), что обеспечило 87% потребностей США в каучуке. Заново было создано производство пластмасс и синтетических тканей, вакуумных радиоламп, пенициллина и т.д.

Была также принята огромная государственная программа по подготовке квалифицированной рабочей силы, в рамках которой уже к февралю 1942 г. было подготовлено свыше 3,3 млн. человек. В результате в ходе войны произошло не только увеличение численности занятых в промышленности, но и резко возросла квалификация рабочей силы, что явилось одним из важных факторов роста производительности труда в американской промышленности. Так, количество обработанных металлов и других материалов, приходившееся на одного рабочего авиационной промышленности, возросло с 22 фунтов в январе 1940 г. до 96 фунтов в марте 1943 г. В результате роста производительности труда стоимость четырехмоторного бомбардировщика в течение войны уменьшилась с 15 долларов 18 центов за фунт веса до 4 долларов 82 центов за фунт, что дало экономию на каждом бомбардировщике примерно в полмиллиона долларов. При этом рост выработки на одного рабочего достигался лишь в незначительной мере за счет увеличения продолжительности рабочей недели с 42 часов в 1940 г. в среднем до 45,5 часов в течение войны.

Огромные капиталовложения в военное производство и модернизацию всей экономики США были получены, естественно, не из воздуха. Мобилизация финансовых ресурсов на эти цели была достигнута прежде всего за счет роста прибыли корпораций и доходов населения, что позволило государству резко увеличить сбор налогов (см. таблицу 3).

Таблица 3

Среднегодовой уровень заработной платы и корпоративной прибыли в 1939 – 1947 гг.

Годы	Годовой уровень заработной платы в долл.	Годовой уровень корпоративной прибыли в млрд. долл.
1939	1 363	5,3
1940	1 432	8,6
1941	1 653	14,1
1942	2 022	14,3
1943	2 349	23,5
1944	2 517	23,6
1945	2 517	19,0
1946	2 517	16,6
1947	2 793	22,3

Другим важнейшим источником капиталовложений стало перераспределение финансовых потоков между отраслями экономики, отсечение расточительного и избыточного потребления, контроль за ценами и доходами и т.д. Были жестко ограничены операции с ценными бумагами, залогами на недвижимость и т.п.

Немалые ресурсы были высвобождены за счет сокращения правительственных расходов по бюджетным статьям невоенного характера, которые упали более чем втрое с 13% ВВП в 1939 г. до 4% в 1944 г.

Убедившись в 1940-1942 гг., что попытки увеличения военного производства без введения жестких мер экономии ведут к росту инфляции и стоимости жизни, правительство США с начала 1942 г. перешло к установлению жесткого контроля над экономикой.

20 января 1942 г. правительство распорядилось о полном прекращении производства легковых автомобилей. Всего три недели спустя, 10 февраля 1942 г., с конвейера сошла последняя "легковушка". Был также введен запрет на производство бытовых холодильников, стиральных машин, электроутюгов, пишущих машинок и телефонов. Серьезные ограничения были наложены и на жилищное строительство.

Было введено рacionamento бензина, важнейших продуктов питания (сахара, мяса и сливочного масла), а также кофе. Однако рacionamento не было сплошным и вводилось только после тщательного изучения его экономической целесообразности. Так, рacionamento бензина было введено не столько в целях его экономии, сколько в интересах сокращения износа автомобильных покрышек владельцами автомобилей в условиях жесточайшей нехватки каучука. Потребление кофе ограничивалось в результате сокращения его импорта из Бразилии, что в свою очередь диктовалось стремлением максимально переключить суда торгового флота на перевозки грузов к театрам военных действий. Сахар, масло и мясо были рационированы не из-за их нехватки, а в целях более справедливого распределения этих продуктов между различными слоями населения и ограничения роста цен на них в условиях увеличения денежных доходов населения.

Рост цен на продовольствие и другие товары правительство сначала пыталось контролировать путем заключения добровольных соглашений между правительством, промышленниками и профсоюзами, однако вскоре поняло неэффективность такого подхода. Поэтому в январе 1942 г. Конгресс принял специальный "Чрезвычайный закон о ценах", в соответствии с которым создавалась Администрация цен, наделенная полномочиями контролировать арендную плату, в том числе за жилье, замораживать оптовые и розничные цены, а также цены на продукцию производителей на уровне марта 1942 г.

Правительство также учредило Национальное военное бюро по труду для рассмотрения всех требований по увеличению заработной платы и установления ежегодных лимитов на рост почасовой оплаты труда.

Американский опыт уникален прежде всего тем, что мощное и эффективное государственное вмешательство в экономику в интересах расширения военного производства осуществлялось таким образом, чтобы уже в ходе войны создать мощный потенциал роста гражданской сугубо рыночной экономики после войны.

В целом в течение всей войны в США постоянно шла борьба между двумя тенденциями. Одной из них было стремление к установлению сверхжесткого и всеобъемлющего госрегулирования (такого, например, какое было введено в годы войны в Великобритании), которое в рыночной экономике неизбежно ведет в конечном итоге к падению ее эффективности. Другой тенденцией было ограниченное выборочное регулирование, которое приводило в военных условиях к дефицитам, сокрытию дефицитных материалов и неконтролируемой инфляции.

Выразителем первой тенденции были военные, выразителями второй – частный бизнес. В целом в ходе войны возобладала первая тенденция, однако лишь на время войны. Сразу после ее окончания США не только отказались от применения практически всех рычагов государственного регулирования экономики, введенных в период войны, но и провели радикальную конверсию (по американской терминологии – реконверсию) своей военной промышленности.

К 1948 г. военные расходы США сократились до 3,2% ВВП по сравнению с 45% в 1944 г. К этому времени из военной промышленности было высвобождено 12,4 млн. человек. Так, число занятых

сократилось по сравнению с ноябрем 1943 г. (пик военного производства в годы второй мировой войны) в авиационной промышленности с 2 млн. 202 тысяч до 240 тыс. человек в 1947 г. и 256 тыс. человек в июне 1950 г., в судостроительной промышленности – с 1 млн. 778 тысяч до 138 тыс. человек (в июне 1950 г.), в производстве артиллерийского вооружения – с 1 млн. 436 тысяч до 24 тыс. человек (июнь 1950 г.). Фактически к июню 1950 г., т.е. к началу войны в Корее, численность занятых в этих отраслях вернулась к уровню предвоенного 1940 г.

За весь период после окончания второй мировой войны и до начала войны в Корее в США так и не было возобновлено серийное производство танков.

Были также резко сокращены вооруженные силы, из которых было уволено 10,6 млн. солдат и офицеров и 1,6 млн. гражданских служащих. В 1947 г. численность вооруженных сил составила 2 млн. человек по сравнению с 11 миллионами в 1945 г.

Государство щедро вознаградило увольняемых военнослужащих. Всем им обеспечивались выплата пособий по безработице и предоставление гарантированных государством кредитов на покупку жилья, сельскохозяйственных ферм или создание собственного бизнеса. Увольняемым военнослужащим также предоставлялось право на получение за счет государства высшего образования или приобретение новой специальности в течение четырех лет: только в 1946 г. в колледжи записалось 800 тыс. бывших солдат и офицеров.

Общая сумма выплат демобилизуемым военнослужащим за счет федерального бюджета составила в течение трех послевоенных лет 20 млрд. долларов. Еще 1,5 млрд. долларов поступило из казны штатов.

По тем временам это были огромные деньги. К примеру, весь военный бюджет США в 1947 г. составил 11,7 млрд. долларов.

И этот радикальный переход к мирной жизни не вызвал ни экономического спада, ни серьезного роста инфляции или безработицы. Правда, в 1946 г. американский ВВП слегка упал по сравнению с достигнутым во время войны пиком, однако уже в 1947 г. ВВП вернулся к рекордному военному уровню, после чего начал устойчиво расти. Безработица увеличилась с 1,2% в 1944 г. до 3,9% в 1946-1948 гг., однако это увеличение не шло ни в какое сравнение с 17,2% в 1939 г. и 14,6% в 1940 г. Что касается инфляции, то единственный ее заметный всплеск (на 28% в год) имел место в 1948 г., однако уже в следующем году он был погашен.

Рассказ о том, как США удалось в столь сжатые сроки и столь безболезненно провести перевод страны на мирные рельсы занял бы слишком много места. Здесь отметим только, что, вводя жесткое государственное регулирование экономики в интересах войны, американцы понимали временный характер такого регулирования и одновременно трудности возврата от госрегулирования к рыночной экономике свободной конкуренции.

В докладе, подготовленном по заданию руководителя Управления военной мобилизации Джеймса Бернса (фактически отвечавшего от имени президента за руководство экономикой на заключительном этапе войны) и представленном ему 15 февраля 1944 г., составители доклада Бернанд Барух и Джон Хэнкок писали:

"Перевод страны на военные рельсы представляет собой более легкую задачу, чем обратный переход от войны к миру. В ходе войны утверждается своего рода тоталитаризм. Правительство указывает каждому бизнесмену, каков должен быть его вклад в военные усилия, что ему производить и где получать те материалы, которые ему нужны для производства. Как планирование, так и производство подчиняются единой общей цели и находятся под единым контролем. Важным побудительным мотивом для всех становился патриотизм. В мирное время все происходит наоборот. Каждый имеет право делать то, что он хочет. Исчезают как указания, так и помощь со стороны правительства. Рынок вновь становится свободным и каждый индивидуум зависит отныне от своего видения, своей смелости, своей находчивости и своей энергии".

США начали подготовку к реконверсии еще в апреле 1943 г., т.е. в период, когда пик наращивания военного производства еще не был достигнут. Особенно активную роль в переходе к реконверсии играл созданный в марте 1940 г. знаменитый объединенный комитет Конгресса под председательством сенатора Гарри Трумэна и координировавшего в Конгрессе все вопросы, связанные с военным производством, строительством и материально-техническим обеспечением вооруженных сил. О том, что американские законодатели даже в разгар гонки вооружений думали, как снять путы гос-

регулирования с экономики после окончания войны, свидетельствует хотя бы следующая выдержка из ежегодного отчета Комитета Трумэна, опубликованного 4 марта 1944 г.:

"Еще в ноябре прошлого года Комитет настойчиво потребовал немедленной разработки планов реконверсии. Комитет пришел к выводу, что промышленность должна быть проинформирована как можно более заблаговременно о том, когда ей следует ожидать завершения или аннулирования военных контрактов, на каких условиях и в какие сроки она может приобрести заводы и оборудование, которые принадлежат в настоящее время государству, а также о тех мерах, которые правительство намерено предпринять для вывоза с частных предприятий в максимально сжатые сроки и с минимумом бюрократической волокиты оборудования и материалов, принадлежащих правительству.

Планирование, на котором настаивает Комитет, направлено на то, чтобы устранить все те препятствия на пути конверсии, сохранение которых может помешать или даже воспрепятствовать реконверсии. Комитет решительно возражает против такого планирования, которое может создать новые трудности и препятствия на этом пути. Его задача состоит в том, чтобы максимально облегчить реконверсию с тем, чтобы промышленники и наемная рабочая сила самостоятельно могли приступить к планированию своей деятельности в условиях мира, за успех или провал которого они и только они сами будут нести ответственность".

Таким образом, на протяжении всего двух десятилетий, с 1929 г. по 1948 г. (1948 г. – год завершения реконверсии), экономика США четырежды претерпела глубочайшие метаморфозы.

Сначала, в 1929-1932 гг., США превратились из процветающей страны с наиболее свободной для своего времени рыночной экономикой в страну с полуразрушенной промышленностью, парализованной финансовой системой и обнищавшим, находившимся на грани социального взрыва населением. Производство рухнуло вдвое, четверть рабочей силы осталась за воротами предприятий, 9 миллионов банковских вкладчиков потеряли свои сбережения, свыше одного миллиона семей лишились закладных на свое жилье и оказались на улице.

В последующие семь лет (1933-1939 гг.) администрации Рузвельта удалось благодаря "Новому курсу" вывести страну из кризиса. Была реформирована и взята под плотный государственный контроль финансовая система, создана обширная государственная система поддержки безработных и социально незащищенных. Огромные масштабы приняли также общественные работы, давшие заработок миллионам людей и заказы тысячам предприятий.

В результате за счет прежде всего государственных расходов ВВП США с 1934 г. по 1940 г. вырос почти на 50 % и приблизился к уровню докризисного 1929 г. И все это было достигнуто при недопущении даже незначительной инфляции. Достаточно сказать, что за этот период рост цен в США составил менее 5%.

Однако администрации Рузвельта не удалось добиться главного – притока частных капиталовложений в реальный сектор экономики и прежде всего в промышленность. Само же правительство США в эти годы не решалось (да и не могло в силу внутривнутриполитической обстановки в стране) вмешиваться в дела "священной коровы" – частного промышленного предпринимательства.

В результате такой политики невмешательства и отсутствия значительных частных капиталовложений реальный сектор оставался вплоть до 1940 г. в состоянии глубокой депрессии. Промышленное оборудование все более устаревало, транспорт приходил в упадок, безработица лишь ненамного уступала уровню кризисных 1929-1932 гг.

На третьем этапе (1941-1945 гг. и отчасти 1940 г.) США превратили свою глубоко депрессивную, сугубо мирную экономику в одну из наиболее милитаризованных и бурно растущих экономик мира с высокоразвитым уровнем государственного регулирования и централизованного планирования.

И, наконец, на четвертом этапе (1946-1948 гг.) США вернулись к либеральной рыночной экономике, способной стабильно развиваться даже при отсутствии государственных инвестиций и централизованного перераспределения ресурсов, за счет притока средств из частного сектора, то есть примерно так же, как это происходило до финансового краха 1929 г. Появление огромного фактически вне рыночного сектора военного производства произошло в США уже позднее, в ходе "холодной войны".

Таким образом, на протяжении 1929-1948 гг. экономика США продемонстрировала высокую эластичность и способность переходить от сугубо рыночной экономики к экономике жесткого государственного регулирования и обратно.

Подобную же эластичность американская экономика продемонстрировала еще раз в годы войны в Корее (1950-1953 гг.), когда США, считая, что Корейская война является прелюдией к третьей мировой войне, вновь перевели свою экономику на военные рельсы. Точно так же, как и во второй мировой войне, США в эти годы за счет государства произвели огромное расширение мощностей военных и базовых отраслей промышленности, конвертировали многие гражданские предприятия на военное производство, сократили выпуск некоторых видов продукции гражданского назначения, ввели централизованную систему распределения материальных ресурсов в соответствии с военными приоритетами, установили контроль над ценами, арендной и заработной платой, использованием производственного оборудования и т.д.

И точно так же, как после второй мировой войны, Соединенные Штаты вернулись после заключения перемирия в Корее в 1953 г. к рыночным методам управления экономикой, хотя и не стали на этот раз проводить столь обширную как в 1945-1948 гг. реконверсию вновь созданной военной промышленности. Наступила длительная эпоха соревнования с СССР в гонке вооружений, в которой США использовали совершенно новые по сравнению со второй мировой войной и войной в Корее методы госрегулирования и преодоления возникающих экономических кризисов и рецессий.

Однако США не забыли и не перестали ценить приобретенный ими в обеих войнах опыт. Не случайно они, не применяя его более на практике, предпочли оставить в силе основную часть мобилизационного законодательства, принятого ими в 40-50-х годах.

Лестер Туроу, считающийся экономическим "гуру" президента Клинтона, пишет:

"Если разразится война, мы безо всяких сомнений будем вводить обязательную систему контроля, в том числе за ценами и доходами, а также новые чрезвычайные налоги для предотвращения инфляции. Подобные меры оказались очень эффективными, например, во время войны в Корее. Это объясняется тем, что война вызывает дух солидарности с правительством, а также позволяет правительству принимать любые другие меры, которые оно сочтет необходимыми. Если вводимые меры контроля приведут, например, к падению инвестиций, то государство во время войны просто само построит необходимые заводы и обеспечит их оборудованием, или же предоставит необходимые для этого субсидии".

Какие уроки может почерпнуть Россия из американского опыта управления экономикой в кризисных и чрезвычайных условиях под руководством Рузвельта?

Первый урок из изучения опыта экономики США 30-40-х годов помогает понять всю надуманность многолетнего противостояния между российскими "либералами" и "государственниками", то есть, между приверженцами невмешательства государства в экономику и сторонниками ее государственного регулирования. Ведь США, с одной стороны, вышли из Великой депрессии, по мнению многих экспертов, лишь благодаря введению жесткой системы перераспределения ресурсов через механизм государства. С другой стороны, уже после смерти Рузвельта США добились огромных экономических успехов и победы в "холодной войне" в условиях минимального по сравнению с другими странами государственного вмешательства в экономику.

Решение о правоте одной из сторон в данном противостоянии, как и в большинстве других теоретических споров по экономическим вопросам, выносит не состоящее из экономистов жюри, а суд истории. К сожалению, в этом суде нет твердо зафиксированных требований к правдивости свидетелей и доказательности предъявляемых обвинений. Поэтому даже сейчас еще в США можно встретить немало экономистов, утверждающих, что если бы Рузвельт не вмешался со своим "Новым курсом" в естественный ход развития американской экономики, то последняя не только бы самостоятельно вышла из кризиса и депрессии, но и сделала бы это в более сжатые сроки и менее болезненно.

Точно так же можно не сомневаться, что и Гайдар, и Чубайс, и Кириенко будут до конца дней своих утверждать, что если бы Верховный Совет, а затем Госдума не мешали им, а Ельцин более решительно поддерживал проводимый ими курс "либеральных реформ", то Россия сейчас уверенно шла бы по пути экономического подъема и не было бы никакого финансового краха 17 августа 1998 г.

Все наши "реформаторы" по-прежнему убеждены, что Россия, приступив в 1992 г. к перестройке своей экономики, пошла к рынку единственно возможным в тех условиях путем и в соответствии с самыми последними достижениями западной либеральной экономической мысли.

Однако они не сумели понять, что эти самые новейшие рецепты экономического либерализма применяются на Западе сравнительно недавно, да и то далеко не во всех странах. Сам создатель современного либерализма Фридрих Хайек пребывал в полузабвении вплоть до начала 70-х годов, когда его взгляды начал активно развивать и пропагандировать Милтон Фридман, который, впрочем, считает себя не только монетаристом, но и кейнсианцем.

А между тем рыночная экономика существует уже не одно столетие и за это время не раз радикально меняла свой облик в ответ на вызовы времени. Она была свидетелем триумфов не только Адама Смита, Милтона Фридмана с Фридрихом Хайеком, но и Джона Мейнарда Кейнса и Фридриха Листа, основателя известной "исторической школы" и апологета экономической автаркии.

Да и кризисы свои рыночная экономика преодолевала порой диаметрально противоположными методами.

Так, после 1929 г. весь капиталистический мир выходил из кризиса с использованием жестких кейнсианских методов госрегулирования, в то время как мировой кризис середины 70-х годов толкнул ряд стран, прежде всего США и Англию, в объятия либерализма, нашедшего свое наиболее развитое выражение в "рейганомике".

Почему же в 1992 г. для реформирования российской тотально огосударственной и сверхмилитаризованной экономики был применен (конечно, в основном на словах) не только самый сложный, но и не до конца апробированный на Западе либеральный подход? Да прежде всего потому, что он в это время лежал на поверхности и был подробно расписан в популярных журналах и учебниках на Западе. Не будем забывать, что наши оказавшиеся у власти молодые экономисты были знакомы только с экономикой "реального социализма" и не получили сколько-нибудь глубокого современного экономического образования. Естественно, что в этих условиях ссылки на модные западные теории служили для них главным подспорьем в отстаивании своих программ перед российскими политиками, еще менее обремененными экономическими познаниями.

К сожалению, судя по их словам и действиям, не изучали наши "либералы" сколько-нибудь серьезно и плановую советскую экономику. Иначе они воздерживались бы от диких по своей невежественности заявлений о том, что Россия, как и Советский Союз, всегда была, есть и будет сырьевым придатком Запада (читай Альфреда Коха), или что основой экономического роста России должно стать развитие сырьевых отраслей (Чубайс, Гайдар и другие). Между тем экономика СССР была построена на принципах полной автаркии, гипертрофированное же развитие сырьевых отраслей объяснялось мобилизационными потребностями на случай войны, а вовсе не необходимостью экспорта (Подробнее см. "Военный вестник МФИТ" № 2 за 1998 г.).

СССР вообще только в 70-х годах начал крупномасштабный экспорт нефти и природного газа. Что касается металлов (стали, алюминия и т.д.), то их экспорт по сути начался лишь в период распада Советского Союза. Отсюда второй урок "рузвельтономики" заключается в том, что переход США от Великой депрессии к бурному росту в годы второй мировой войны стал возможен в немалой степени потому, что США в этот период были экономически самодостаточны, и, находясь практически в состоянии полной экономической изоляции от остального мира, могли не беспокоиться о поддержании своей конкурентоспособности на мировых рынках и участии в международном разделении труда. Американцам не надо было беспокоиться о поддержании курса своей национальной валюты на мировых рынках (доллар был неконвертируем), бегства капитала за рубеж (это было физически невозможно) или неблагоприятной реакции Международного валютного фонда и Всемирного банка (их в это время еще не было) на применяемые Рузвельтом жесткие меры госрегулирования. Совершенно очевидно, что в условиях мирного времени поддержка расточительного военного производства на уровне 1942-1945 гг. весьма быстро подорвала бы конкурентоспособность американских товаров по сравнению с индустриально развитыми странами, не отягощенными столь высоким бременем милитаризации. Ведь даже при уровне военных расходов в 9-10% ВВП (по сравнению с 40-45% в годы второй мировой войны) США потеряли в 50-70-е годы почти половину своей доли мирового рынка в пользу ФРГ, Японии и других стран, тративших на военные нужды не более 1-3% своего ВВП. За десятилетие с 1967 г. по 1977 г. производительность труда в американской обрабатывающей про-

мышленности выросла всего на 27% по сравнению с 70% в ФРГ, 72% во Франции и 107% в Японии, а начиная с середины 70-х годов она стала падать в абсолютном выражении.

Вряд ли надо доказывать, что при сохранении существующего уровня долларизации российской экономики и свободы вывоза капитала из страны всякие попытки направления инвестиций в реальную экономику России бессмысленны. И уж совсем безумием было бы пытаться поддержать российскую экономику путем расширения производства вооружений. Вкладывать средства в развитие российской военной промышленности можно только после извлечения выводов из причин поражения СССР в "холодной войне", немалую ответственность за которое несет наш ВПК.

За вторым уроком неминуемо следует третий: о необходимости усиления экономического протекционизма в кризисных и чрезвычайных условиях.

Вопреки широко распространенному среди российских "реформаторов" мнению о почти полной открытости американской экономики, Соединенные Штаты на протяжении практически всей своей истории были страной высоких протекционистских тарифов. 1857-1861 годы являются единственным периодом, когда эти тарифы были резко снижены, что в немалой степени подтолкнуло страну к гражданской войне 1861-1865 гг. между Севером и Югом.

Ввиду явно усиливающегося сепаратизма и самоизоляции различных российских регионов и обострения противоречий между ориентированными на экспорт экономическими районами и остальной Россией с ее деградирующей промышленностью и разваливающимся сельским хозяйством этот драматический эпизод американской истории дает немало пищи для размышлений.

Американский Юг, живший в основном за счет высокоприбыльного экспорта хлопка в Европу, всегда тяготел к фритрейдерской политике. Имея почти даровую рабочую силу черных рабов, Юг не был заинтересован в приобретении сельскохозяйственного оборудования на промышленном Севере, а весь необходимый ширпотреб и предметы роскоши предпочитал закупать в Европе, пренебрегая более низкокачественной продукцией Севера. Естественно, что в подобных условиях южане не были заинтересованы в высоких тарифах, которые устанавливало федеральное правительство и которые вели к удорожанию необходимого им импорта.

Американский Север, шедший по пути промышленного развития, напротив, нуждался в расширении внутреннего рынка для своей индустрии, однако конкурировать на равных с более дешевой и качественной продукцией наиболее промышленно развитой державы своего времени – Англии – был не в состоянии. Не удивительно, что высокие импортные тарифы были основной формой защиты американской промышленности от английской экспансии.

Однако в 1857 г. президентом США был избран ставленник Юга Джеймс Бьюкенен, который сразу же по избрании снизил тарифы до самого низкого за последние полвека уровня и резко расширил список товаров, вообще освобождаемых от всяких пошлин при ввозе в страну.

Почти немедленно после введения этих мер промышленность Севера впала в депрессию. Особенно сильно пострадала черная металлургия, не выдержавшая конкуренции дешевой английской стали.

Требование повышения тарифов стало одним из основных предвыборных лозунгов республиканской партии во главе с А. Линкольном, вернувшей США после победы на президентских выборах к жесткому протекционизму.

В свою очередь эти меры администрации Линкольна укрепили 13 южных штатов в их решимости отделиться от Севера.

После поражения в гражданской войне и отмены рабства южанам, волей-неволей, пришлось при выращивании хлопка перейти к широкому использованию сельскохозяйственного оборудования, производимого, естественно, промышленным Севером.

С тех пор США неизменно придерживались жестко протекционистской политики во внешней торговле. Не были исключением в этом отношении и двадцатые годы нынешнего столетия, считающиеся годами бурного роста американской экономики в условиях свободы рынка и политики *laissez-faire*. Достаточно ознакомиться хотя бы с законом Фордни-МакКамбера от 1922 г. На кризис 1929 г. США ответили резким усилением протекционизма. Принятый еще при президенте Гувере в 1930 г.

закон Хаули-Смута резко поднял импортные тарифы, нанеся тем самым мощнейший удар по мировой торговле.

Президент Рузвельт довел традиционную политику протекционизма до предела. Сорвав намечавшуюся в июле 1933 г. всемирную экономическую конференцию, он дал ясно понять, что в его "Новом курсе" нет места расширению мировой торговли на основе заключения обязательных для США договоренностей на многосторонней основе. Фактически вплоть до второй мировой войны Рузвельт придерживался курса на "строительство капитализма в отдельно взятой стране" подобно тому, как Сталин строил свой "социализм в отдельно взятой стране".

Эта политика Рузвельта получила яркое законодательное подтверждение принятием демократическим большинством Конгресса в 1935 г. "Акта о нейтралитете".

Таким образом, широко открыв в 1992 г. российский рынок для иностранных товаров, российские "реформаторы" продемонстрировали элементарное незнание опыта становления национальной экономики даже такой страны классического капитализма, как США, превращение которого в главного поборника свободного рынка и либерализма в мире никогда не стало бы возможным без длительных периодов протекционизма, резко обострявшегося во время кризисов.

Попытки перепрыгнуть этап протекционизма в развитии национальной экономики неизбежно ведут к разрушению последней. История полна подобных примеров. Один из них был описан в статье "Существовать достойно в системе своих понятий".

"В Индии в прошлом веке была неэффективная феодальная экономика. Бедные городские ремесленники в примитивных мастерских производили продукцию низкого по европейским меркам качества и дорого, продавали ее таким же бедным и "неэффективным" крестьянам и покупали у них продукты питания, тоже очень дорогие.

В результате все жили бедно, хозяйство было крайне неэффективно, но жили достойно.

Пришедшие в Индию англичане принесли с собой дешевые промышленные товары. Неэффективные индийские ремесленники быстро и в массовом порядке разорялись, и вскоре крестьянам, которые с удовольствием покупали английские товары, некому стало продавать свои продукты. Ремесленники уже не могли их покупать, а англичанам они были не нужны. Тогда разорились и крестьяне. В Индии разразился страшный голод, унесший миллионы жизней. Прошло несколько лет, прежде чем и крестьяне, и ремесленники нашли новые производственные ниши для себя. Таким образом произошла структурная перестройка, и Индия вошла в мировое хозяйство того времени.

Индийское правительство, извлекая уроки из того прошлого, до сих пор поддерживает и защищает неэффективное, часто примитивное, по современным западным меркам, производство, справедливо считая, что **эффективно само существование Индии** (выделено нами. – Ред.) и что стремиться к американской эффективности в индийских условиях бессмысленно". (*Известия*, 7 апреля 1994 г.)

Нечто подобное разрушению индийской экономики в XIX веке произошло и в России после начала "реформ", с той только разницей, что российскую экономику разрушали не англичане-колонизаторы, а собственная правящая верхушка, опиравшаяся на поддержку российского сырьевого лобби и так называемого "мирового сообщества", а фактически бывших противников СССР по "холодной войне", руководствовавшихся по отношению к новой России весьма противоречивыми мотивами. Правда, в России не вспыхнул, как в Индии, голод, однако это объясняется не столько "гуманностью" проводившейся политики, сколько огромной прочностью и инерционностью советской экономики и наличием в стране огромных избыточных мощностей в сырьевых и базовых отраслях промышленности. Именно экспорт продукции этих отраслей (нефти, газа, стали, цветных металлов) в сочетании с распродажей накопленных на случай войны мобилизационных запасов (см. "Военный вестник МФИТ" № 1) принесли России те сотни миллиардов долларов, которые не только обогатили "новых русских", но и позволили компенсировать за счет импорта падение собственного производства продуктов питания и ширпотреб.

Многие российские экономисты прекрасно понимали пагубность для нашей экономики широкого открытия российских экономических границ, приведшего к вытеснению импортными товарами многих видов отечественной продукции. "Да, - говорил академик Юрий Яременко, - отечественная продукция, какую ни возьми, всегда будет хуже, либо дороже зарубежных аналогов. Следовательно, возникает дилемма: либо форсированными темпами подтягивать качество отечественной продукции

до уровня зарубежной, потеряв при этом за ненадобностью 70 % производственных мощностей, либо ... жить и работать так, как мы умеем и можем, довольствуясь не очень качественной отечественной продукцией и осуществляя медленную поэтапную модернизацию. Иметь много не очень качественной, но все же приемлемой продукции для страны лучше, чем резко перейти на западные стандарты, утратив при этом значительную часть своего производственного потенциала и вызвав массовую безработицу". Конкретно Ю. Яременко предлагал закрыть экономические границы России и перейти к политике автаркии или хотя бы резко повысить таможенные тарифы на импортные товары с тем, чтобы освободить пространство для внутренних товаропроизводителей.

Сейчас в России тоже множатся голоса с требованиями защиты российских товаропроизводителей через возведение высоких таможенных барьеров, вытеснения доллара из внутреннего обращения и даже проведения мобилизационной экономической политики. Однако у нас уже не 1991 год, когда население еще было готово пойти на временные жертвы во имя обещанных реформ. Потеряв всякую веру во власть, население встретит сейчас подобные меры просто как новые попытки власти решить свои проблемы за его счет (отнять у населения долларовые сбережения, лишит его привычных импортных товаров, еще более понизит жизненный уровень).

Поэтому при переходе к давно назревшим мерам по защите российских производителей полезно вспомнить еще один урок "рузвельтономики" – отказ от проведения мероприятий, не пользующихся общественной поддержкой или ведущих к расколу между ветвями власти.

Взять хотя бы подход Рузвельта к подготовке страны ко второй мировой войне. Рузвельт одним из первых среди американских политиков осознал неизбежность вовлечения США в будущую мировую войну и необходимость подготовки страны к ней. В 1939 г. с целью изучения степени подготовки экономики США к войне Рузвельт создал Совет по военным ресурсам (War Resources Board) во главе

с председателем совета директоров корпорации "Ю.С. Стил" Э. Стеттиниусом. Ознакомившись с имеющимися мобилизационными планами, Совет предложил создать специальные органы по подготовке экономики к войне, а для устранения препятствий на пути возможной мобилизации промышленности отменить принятые незадолго до этого законы Дэвиса-Бейкона и Уэлш-Хили, расширившие права профсоюзов в области занятости, нормирования и оплаты труда. Однако Рузвельт отклонил эти весьма умеренные и вполне благоразумные в условиях надвигающейся войны предложения, ибо они натолкнулись на яростное сопротивление со стороны самых различных сил. Против интенсификации военных приготовлений выступали и изоляционисты, и пацифисты, и консерваторы, возражавшие против усиления исполнительной власти, и профсоюзы, протестовавшие против любого ограничения своих прав.

В итоге Рузвельт отклонил предложения Стеттиниуса и его коллег, равно как и мобилизационный план, разработанный Советом Сухопутных Сил и ВМС по вооружениям (Army and Navy Munitions Board), отвечавшим в период между двумя мировыми войнами за мобилизационную подготовку американской промышленности. В результате США вступили во вторую мировую войну, не имея утвержденного плана мобилизации своей экономики.

Это не означает, конечно, что Рузвельт пустил подготовку страны к войне на самотек. Наоборот, в этом направлении он много и целеустремленно работал, не ломая, однако, "через коленку" своих оппонентов и находя легитимные обходные пути для достижения своих целей.

Так, в условиях решительного сопротивления со стороны законодателей созданию новых государственных органов по управлению экономикой и усилению тем самым исполнительной власти, Рузвельт реанимировал забытый всеми закон 1916 г. "О военных ассигнованиях армии" (не отмененный, кстати, и поныне), предусматривавший создание Совета национальной обороны в рамках кабинета министров. Воссоздав Совет национальной обороны, Рузвельт учредил в его составе так называемую Консультативную комиссию, также предусмотренную законом 1916 г., возложив на нее разработку мобилизационной политики США. В итоге, начав с таких малозаметных шагов, Рузвельт путем целого ряда последовательных действий без обострения отношений с Конгрессом и обществом достиг вполне внушительных результатов в деле реальной подготовки США к войне. Об этом свидетельствуют, в частности, поразительно высокие темпы перехода американской экономики на военные рельсы после нападения японцев на Пёрл-Харбор.

"Военный вестник МФИТ" надеется еще вернуться к чрезвычайно поучительному для современных российских условий опыту структурной перестройки экономики США в годы второй мировой

войны и ее реконверсии в 1945-1947 гг. В данном выпуске "Вестника" мы поставили перед собой задачу показать ограниченную пригодность использования Россией рецептов "Нового курса" Рузвельта. Опыт США, если брать не только 30-е годы, но и весь предшествующий и последующий период их развития, показывает, что наибольших результатов экономика США добивалась тогда, когда она последовательно придерживалась какой-то одной из двух моделей своего развития – жесткого государственного регулирования (период второй мировой войны) или последовательного либерализма ("ревушие двадцатые годы", период "рейганомики"). И наоборот, экономика впадала в состояние длительной депрессии или вялого роста, когда либеральный подход совмещался с попытками государственного регулирования экономики ("Великая депрессия" 30-х годов и период 70-х годов, предшествовавший переходу к "рейганомике").

Для России было бы весьма опасно пытаться выбраться из ее нынешнего кризиса, применяя методы государственного регулирования (в том числе ссылаясь на опыт "Нового курса" Рузвельта) вперемежку с попытками создания элементов свободной рыночной экономики, утешая себя тем, что создание рынка – дело долгое, занявшее в других странах не одно столетие. У России, в отличие от США в 30-е годы, нет времени на вялотекущий выход из кризиса с переводом экономики в длительную депрессию. Такой подход несостоятелен даже с точки зрения экономической теории. Ибо существует известная "теория второго наилучшего" ("the theory of the second best"), разработанная Р. Дж. Липси, К. Ланкастером и другими экономистами. Эта теория гласит, что если в экономике отсутствуют какие-то существенные условия для создания свободного рынка (например, запрещена продажа земли, ограничена свобода продажи рабочей силы в связи с необеспеченностью права выбора местожительства и т.д.), то есть отсутствуют условия "первого наилучшего" (first best), то попытки компенсировать отсутствие таких условий путем создания каких-то дополнительных элементов свободного рынка неизбежно ведут к снижению общей эффективности экономики.

Поэтому российским политикам, если они действительно хотят предотвратить сползание России к экономическому хаосу, следовало бы набраться смелости и прекратить начатые еще во времена премьерства Николая Рыжкова бездарные игры в так называемую "рыночную экономику", признав, что доставшаяся России в наследство от СССР экономика изначально исключала возможность автоматического рыночного самозапуска и не была готова к интеграции в мировую экономику.

И если уж использовать американский опыт государственного регулирования, то российским политикам стоило бы обратиться не к "Новому курсу", а к деятельности Рузвельта по структурной перестройке экономики в годы второй мировой войны. Благо, этот опыт детальнейшим образом расписан и представляет по существу готовый набор рецептов, к тому же проверенных на практике.

Конечно, целью такой мобилизационной перестройки российской экономики должно быть не увеличение производства вооружений, а наоборот, решительная СТРУКТУРНАЯ ДЕМИЛИТАРИЗАЦИЯ России и создание новой эффективной экономики, устойчивой к колебаниям мировой конъюнктуры и ориентированной на удовлетворение прежде всего внутренних потребностей страны.

Не следует бояться в ходе такой временной "сосредоточенности" России на самой себе её превращения в Северную Корею или Румынию времен Чаушеску. И сейчас еще, после многих лет хищнического разорения, она все еще располагает (как и США накануне второй мировой войны) основными составляющими, из которых складывается современная индустриальная экономика: постоянно воспроизводимся высоким уровнем образования, развитой наукой, мощными транспортными и энергетическими системами, крупными заделами в технике и технологии, сосредоточенными в оборонном комплексе, квалифицированной рабочей силой.

Чем скорее и решительнее будет пройден этот этап, тем быстрее Россия сможет приступить к переходу к свободной и на этот раз реальной рыночной экономике. Совсем не исключено, что ввиду всепроникающей коррупции и почти тотального засилья чиновничества России могут понадобиться и самые радикальные методы экономического либерализма, столь незаслуженно скомпрометированного нашими "реформаторами".

